«Советская Эстония» 3 ОКТ 1956

О неудачной статье одного театрального критика

В восьмом номере журнала «Лооминг» напечатана статья С. Левина «Творческое лицо театров Таллина». В ней наряду с некоторыми справедливыми замечаниями по адресу таллинских театров содержится немало неправильных обобщений и ошибочных высказываний, мимо которых пройти нельзя.

Статья начинается с характеристики минувшего театрального сезона по стране в целом. Но характеристика эта крайне односторонняя и искаженная: «Театральный сезон 1955—1956 г. во всем Советском Союзе прошел под знаком тревоги... Театры лихорадило. Начались репертуарные метания» и т. д. С. Левин пишет о «размолвке зрителя с театром», о «заболевании» театра, ссылаясь при этом на «узкие и расширенные совещания и конференции» и на печать.

Что касается печати, то ссылку критика на нее нельзя признать удачной. Печать иначе оценивает итоги театрального сезона.

«... Главное, что привело к под'ему **драматических театров** (подчеркнуто мной — И. К.), — говорится в передовой статье газеты «Советская культура» за 10 июля с. г., — была исключительно активная, вдохновенная подготовка нашей творческой интеллигенции к XX с'езду КПСС. Повсюду в театральных коллективах чувствовалось одно желание — встретить с'езд хорошими произведениями, вложить в спектакли весь пыл своей души, талант, художественное мастерство».

Правда, в ряде статей выражалась известная неудовлетворенность работой театров, отмечались серьезные недочеты и промахи в их деятельности, слабая посещаемость их, особенно в начале сезона и т. д. Но в этих статьях говорилось и о большом творческом вдохновении работников театров страны, о творческих поисках, а также о крупных творческих удачах московских, ленинградских и ряда периферийных театров, об улучшении их репертуара. Авторы этих статей справедливо связывали имеющиеся бесспорные достижения советского театрального искусства в минувшем сезоне с подготовкой к XX с'езду КПСС и его историческими решениями, с борьбой партии против культа личности.

Из всего этого видно, что между оценкой итогов театрального сезона, данной С. Левиным, и оценкой, которую мы находим в печати, имеется большая разница.

Заявив, что причины «болезни» театра, или как он выражается в данном случае, «причины падения интереса зрителя к театру, лежат глубоко», С. Левин заявляет, что этими причинами являются посредственность и фальшь.

«Именно посредственность многих спектаклей, — пишет он, — именно фальшь, неизбежно появляющиеся там, где нет подлинной увлеченности режиссера и актера пьесой и ролью, — именно это и заставило многих зрителей утратить живой интерес к театру, а многих и вовсе отвернуться от него».

С. Левин пытается подкрепить свой вывод цитатой из отчетного доклада ЦК КПСС XX с'езду партии. Но этим критик лишь побивает сам себя. Если он рассуждает о «болезни» советского театра, то в докладе говорится о том, что советское искусство и литература являются первыми в мире по богатству идейного содержания, что они могут и должны стать первыми в мире также по художественной силе и мастерству. Если С. Левин говорит о посредственности и фальши, как причине болезни театров «во всем Советском Союзе», т. е. о таком же распространенном явлении, как и эта «болезнь», то в докладе речь идет о том, что «посредственность и фальшь часто не встречают достаточного отпора». О якобы всеобщем распространении этих отрицательных явлений в докладе нет ни одного слова. Таким образом, ссылка на цитату также неудачна.

Нельзя согласиться и со следующими рассуждениями автора:

«Почему же появились посредственность и фальшь в ряде спектаклей наших театров? Относить их на счет «теории бесконфликтности», действительно задержавшей в свое время развитие нашей драматургии и театра, — пожалуй, уже поздновато. «Теория» эта уже разбита теоретически и добита смехом. Казалось бы, как раз теперь и развернуться нашим театрам. Но именно теперь посредственность и фальшь дали себя знать особенно сильно».

Неверно утверждение критика, что к появлению посредственности и фальши «теория бесконфликтности» не имеет отношения. Вызывает удивление и его утверждение, что именно теперь, т. е. после разгрома «теории бесконфликтности», посредственности и фальши стало больше, чем тогда, когда эта «теория» жила и здравствовала. Известно, что «теория бесконфликтности» потому и была осуждена, что она ориентировала на фальшивое изображение жизни, на лакировку действительности, отрицала борьбу нового, коммунистического, с пережитками капитализма, что она подрывала один из принципов социалистического реализма — правдивость художественного отображения жизни.

Неправильно и то, что «теория бесконфликтности» уже добита. В действительности эта «теория», будучи разбита теоретически, к сожалению, еще не полностью преодолена на практике.

Автор много говорит о творческом лице советских театров, вернее о безликости большинства из них, о нивелировке театров. Преувеличивая эти действительно имеющиеся недостатки, он, однако, умалчивает о том, что уже в минувшем сезоне многое делалось для устранения этих отрицательных явлений, что большую роль в этом деле играет борьба партии за преодоление культа личности и его последствий.

Говоря о том, чем определяется творческое лицо театра, С. Левин выдвигает следующий основной тезис:

«Лицо театра определяется в первую очередь системой взглядов, которые выражает он в своем творчестве. Взглядов общественных, философских, эстетических, этических».

Этот тезис автора нуждается в уточнении. Он правилен, если говорить о лице советского театра вообще, об отличии его от театра буржуазного.

Но ввиду того, что в статье идет речь о творческом лице, творческом своеобразии советских театров, об отличии их друг от друга, то приведенное выше рассуждение является неправильным. Может и творческое лицо того или иного советского театра, его своеобразие, отличие его от другого советского театра, определяться системой общественных, философских, эстетических и этических взглядов? Нет, конечно. Система всех этих взглядов есть не что иное, как идеология. И раз речь идет о советских театрах, то все они призваны выражать в своем творчестве социалистическую идеологию, т. е. ту систему общественных, философских и т. п. взглядов, название которой — марксизм-ленинизм.

Другое дело — художественная форма выражения этих взглядов. Она у различных советских театров может и должна быть различной. Это различие, своеобразие определяется репертуаром, системой театрального творчества, различием художественных методов режиссуры, национальными особенностями, т. е. всеми этими условиями в совокупности. Здесь у советских театров необ'ятные возможности для выявления своего творческого лица, для плодотворных исканий, для творческого соревнования. И чем больше будет таких исканий, тем лучше.

Все это показывает, что рассуждения С. Левина о системе общественных, философских и т. п. взглядов, как моменте, определяющем творческое лицо, своеобразие того или иного конкретного советского театра, несостоятельны.

Не ясна позиция автора статьи и в том, какое значение имеет репертуар в определении творческого лица театра.

Этого вопроса С. Левин касается не впервые. В мартовском номере журнала «Коммунист Эстонии» была опубликована его статья «О репертуаре драматических театров республики», в которой критик писал:

«Репертуар — основа деятельности театра. Именно репертуар определяет общественную значимость театра, его творческое лицо, его рост или оскудение». А вот в статье «Творческое лицо театров Таллина» чувствуется уже недооценка репертуара в определении творческого лица театров. Если в журнале «Коммунист Эстонии» С. Левин рассматривал репертуар как единственное условие обретения театром творческого лица (в действительности репертуар одно из важнейших, но не единственное условие этого), то в журнале «Лооминг» он говорит о значении репертуара лишь вскользь, общими фразами, умалчивает о важности пьес на современные темы, ограничиваясь абстрактной формулой: нужны «хорошие пьесы в хорошем исполнении». А между тем репертуар в значительной мере определяет творческое лицо театра и недооценивать его нельзя.

В одном месте статьи автор пишет, что требование творческого лица театра не противоречит требованию разносторонности его репертуара, а в другом месте той же статьи утверждает, что «не может творческий театр быть «всеядным», что ему «не могут быть одинаково близки творчество Горького и Гюго, Арбузова и Вишневского, Якобсона и Тальвест». Здесь С. Левин явно противоречит самому себе.

Значительная часть статьи посвящена творческому лицу таллинских театров. По утверждению критика, ни один из них не имеет творческого лица. О театре им. В. Кингисеппа говорится, например, что он лишь «... наиболее близок к тому, чтобы обрести свое творческое лицо», что у него есть лишь некоторые очертания творческого лица, однако лицо это «еще не определилось».

Русский драмтеатр, по мнению С. Левина, имел некоторые очертания творческого лица в прошлом, а именно черты гражданственности, но растерял их в минувшем сезоне и теперь у него даже признаки творческого лица отсутствуют.

Все эти рассуждения можно оставить на совести автора. Но есть в статье такие места, на которые следует обратить внимание. Так, оспаривая мнение «авторитетных критиков и режиссеров» из братских республик, утверждавших, что театр им. В. Кингисеппа очень самобытен, что у него есть свой творческий почерк, Левин говорит:

«... Не забудем, что это утверждалось людьми, изучавшими наш театр, так сказать, со стороны».

Выходит по С. Левину, что критики и режиссеры из братских республик не могут правильно судить о творческом лице эстонского театра, поскольку они изучают его «со стороны». Выходит, что он претендует на монополию в оценке деятельности «нашего театра». Между тем оценка деятельности театров нашей республики в ряде статей в центральной печати куда более правильна, чем та, которую дает С. Левин. Мы считаем, что права Т. Чеботаревская, которая в «Советской культуре» за 27 сентября пишет: «В Эстонии есть чрезвычайно своеобразные профессиональные творческие коллективы. Это прежде всего Таллинский театр им. В. Кингисеппа и творческий коллектив университетского города Тарту».

Следует остановиться и на рассуждениях С. Левина о русском драмтеатре.

Известно, что этот театр в минувшем сезоне имел весьма крупные недостатки. О них в свое время писала «Советская Эстония» (см. статью А. Винера «За высокую взыскательность» от 15 апреля, а также рецензии на спектакли). Коллектив театра, обсуждая статью т. Винера, признал справедливость критики (см. статью в газете «Советская Эстония» «Большой творческий разговор»). Творческие работники театра берутся за устранение недостатков. О том, что усилия работников театра не бесплодны, свидетельствует хороший прием театра в Вильнюсе и ряде других городов Литвы.

Это не значит, конечно, что в театре уже все благополучно. Далеко не так. Многое предстоит еще сделать и самому театру и Министерству культуры республики, которое, кстати сказать, плохо помогает театру, мало заботится об укреплении его творческими кадрами.